

ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МАРИЙСКИХ ИХТИОНИМОВ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА,

докторант факультета философии Тартуского университета (г. Тарту, Эстония)

Ихтионимия (названия рыб) относится к основному словарному фонду языка и отражает одно из древнейших занятий предков – рыболовство.

В данной статье мы остановимся на роде ельцов и таких его видах, как голавль, язь, елец. Они являются обычными и массовыми рыбами в речных бассейнах Марий Эл и имеют между собой большое сходство, поэтому их часто не различают.

Голавль – Leuciscus cephalus.

В марийском языке обобщающим названием для голавля является слово туршо с вариантом турышко. Несколько иное фонетическое оформление это название имеет в северо-западном наречии: торошко [12, 222]. Ихтионим турышко встречается в диалектологическом словаре Э. Беке в фонетических разновидностях tørø·ško CČ JT, tru·ško JP , trù·škə̂ JO, tørø·ško kol CČ [38, 2921], в словаре В. М. Васильева (Ÿпымарий) – *туршко* [5, 82], в словаре А. Е. Китикова – *турушко* [20, 109]. Следует при этом заметить, что о происхождении марийского названия туршо с вариантом турышко нет никаких высказываний ни в работах отечественных, ни в очерках зарубежных ученых. Поэтому этимологическое объяснение таких ихтионимов является актуальным и востребованным в уралистике.

Обычно при анализе происхождения слов и при реконструкции его праформы уралисты опираются лишь на данные финского языка как одного из самых консервативных языков в финно-угорской языковой семье. Так, в финно-угорского праязыка лучше всего сохранен прибалтийско-финским праязыком и его преемниками — финским,

эстонским и водским языками [25, 158]. Исходя из этой теоретической гипотезы не исключено генетическое родство слов мар. туршо, турышко и фин. turpa, turppa, turvas, toutain 'голавль' [19, 118] // эст. turb 'тж' [4, 19], turba-kala 'тж' [19, 118], turwad, turwas 'тж' [3, 128] // ижор. turbakka 'тж' [19, 118] // вод. turpakka, turb, turvakala, turbukka, turpu 'тж' // лив. dūrba, -l, tūrba (Cyprinus ballerus) 'синец' [44, 1426].

В Этимологическом словаре финского языка имеется два объяснения относительно происхождения ихтионима *turpa* [44, *1426*]. Первое возводит его к балтийско-германским источникам: герм. *Turba*, *Turbe* 'Väinäjoen karppi' (какой-то вид карпа), латыш. *durba*, *t-*, *dūre*, *duore*, *duorbe*, *tūrbala* 'jokin kalalaji, mm säynävä (язь) t. Cyprinus ballerus' (один из видов рыбы, похожий на язя или на синца). Второе связывает ихтионим со сложным словом *turpakala* (turba 'морда животного, рот и лицо человека' + *кala* 'рыба').

Лексему turpa сопоставляют с мордЭ turva, torva, мордМ tərva huuli 'губы', мар. tə rβə, tü rβə, -ö 'тж', удм. tirpi: im-t 'тж' (im 'suu'), кз. tirp 'тж' и русскими параллелями турба, тюрба, торба 'морда животного, лицо человека' [34, т. 4, 123]; 'морда, рыло конское, храп и губы' [8, 443]. Вероятно, в марийском, как и в других финно-угорских языках, слово турво сузило свою семантику и стало обозначать не все лицо, а только его часть — губы. Возможно, русское наименование голавль, головень, головань является полукалькой финского turpakala.

В Этимологическом словаре русского языка *голавль* характеризуется как лексема, возникшая от слова *голова* [34, т. 1, 429]. Название этой рыбы возникло скорее всего

из-за «толстой широколобой головы», — отмечает Л. П. Сабанеев [28, 135].

В одном из русских говоров для номинации голавля употребляется слово *турбок* (р. Луга в Новгородской и Ленинградской областях) [4, 555; 34, т. 4, 123]. М. Фасмер указывает на финское происхождение этого ихтионима.

Й. Мягисте, характеризуя происхождение эстонского слова *turb* с вариантами *turva*, *turvas*, устар. *turv*, приводит этимологическое объяснение из финского словаря без каких-либо пояснений [40, 3363].

В родственных языках прямых соответствий этому слову нет, ср., например, лексические данные пермских языков: удм. кушбаш, сон 'голавль'; коми упри, уприсын 'тж'. Однако отсутствие рассматриваемого слова в других родственных языках еще не может служить основанием для предположения, что его не было и не могло быть в далеком прошлом.

Весьма вероятно, что прибалтийскофинское *turpa* с фонетическим вариантом *turp* этимологически связано с латышским *durba*, имеющим варианты *dūre*, *duore*, *duorbe*, *tūrbala* 'jokin kalalaji, mm säynävä (язь) t. Cyprinus ballerus' (один из видов рыбы, похожий на язя или на синца). Исходя из этого, волжско-финское *turšo* можно квалифицировать как древнее балтийское заимствование.

Определенный интерес представляют соображения финского ученого Я. Калимы, который, сосредоточив внимание на высказываниях В. Томсена и Х. Паасонена, в своей книге «Jtämerensuomalaiisten kielten baltiaiset lainasanat» указывает, что мордва в прошлом могла иметь в какой-то степени прямые контакты с балтийцами и непосредственно воспринять от них кое-какие слова. Балтизмы, возможно, опосредованно (через мордву) были восприняты и марийцами.

Однако П. Аристэ полагает, что некоторые индоевропейские слова, имеющиеся в прибалтийско- и волжско-финских языках, возводимые к балтийскому источнику, могли попасть в эти языки задолго до вступления балтийцев и финно-угров во взаимные культурно-экономические связи [1, 4].

По словам мордовского информанта из с. Паево, мокша-мордовский язык интере-

сен и многогранен, но в последние столетия он подвергся значительной русификации. В частности, названия рыб в нем наполовину русские. Только голавль имеет мокшанское произношение — голавне. Елец и язь идентичны русским наименованиям. Поскольку рыбешка эта мелкая, она носит обобщенное название калнят или акше калнят.

В марийских словарях, как рукописных, так и печатных, как отечественного издания, так и зарубежного, для наименования голавля имеются и другие слова.

1. Отфитонимные названия. Модель номинации таких ихтионимов: наименование древесного растения → название рыбы, причем рыбы могут быть названы по цвету коры дерева, форме его листа и т. д. Часто в ихтионимах прослеживается такое явление, когда время нереста рыб совпадает с временем распускания листьев дерева или его цветением. Например, в марийском языке голавль называется **тумыгол** [5, 214; 9, 64; 30, т. 7, 255], где тумо 'дуб' + гол (< кол) 'рыба'.

'Дуб' – крупное лиственное дерево, достигающее 40 м высоты и 1,5 м в диаметре, с плотной древесиной. Листья короткочерешчатые, удлиненно-обратноовальные, лопастные, с сердцевидным основанием.

Слово *тумо* не имеет диалектных различий в марийском языке, лишь в горном наречии оно выступает в усеченной форме *тум*. Марийские *тумо*, *тум* ставятся в один ряд с семантически идентичными словами других финно-угорских языков: морд *тума*, морд *тума*, фин. *tammi*, эст. *tamm* [21, 125].

Как свидетельствует рыбацкий календарь, время нереста голавля совпадает с началом распускания листьев дуба.

Можно предположить, что компонент *тумо* 'дуб, дубовый' подчеркивает темную окраску чешуи рыбы: спина у нее темнозеленая, почти черная. Цветовая характеристика выражена на основе сравнения. Такое же опосредованное наименование в марийском языке характерно и для сельдичерноспинки. В марийском языке для обозначения оттенка окраски часто используются названия деревьев: *тумо луй* 'темная куница'; *шопке луй* 'светлая куница'.

Ср.: эст. *lehe-ahvne* (где *lehe* 'лист') (лещ, которого ловят во время опадания листьев),

lepik kala 'гольян', lepp-maim 'тж' (где lepp 'ольха') (согласно М. Мягеру, эта рыба любит находиться под прибрежной ольхой [39, 94]. Однако И. Н. Шебештьен видит сходство по цвету рыбы с ольхой и сравнивает с дат. asp, швед. asp 'Abramis aspius' (жерех), который тоже получил свое название по сходству цвета с деревом asp 'Populus tremula' (осина) [44, 48]); фин. lehtisīka (сиг, который появляется во время опадания листвы), lehtsīk (сиг, которого вылавливают во время озеленения деревьев), lehtimuje (ряпушка, которую ловят осенью), haapakala 'пескарь', haapiainen 'гольян' (где haapa 'тополь'); коми bad'-tšeri, bad'-kor-myk 'уклейка', bad'-kor-tšeri 'плотва' (где bad' 'ива', kor 'лист', tšeri 'рыба', myk 'елец'); венг. füzfahal 'уклейка, быстрянка' (где füzfa 'ива', hal 'рыба') (рыба, напоминающая лист ивы), fahegykeszeg (где fahegy 'почка', keszeg 'лещ') (лещ, ющийся во время распускания почек).

- 2. Айзагол [30, т. 1, 49], азау [16, 8] Вбелеб. = аз'аў В, айз'ау Вбалт., азау Вбирск. 'голавль' < башк. ажау 'голавль', ср. тат. диал. ажау 'сом'. Н. И. Исанбаев считает это слово прямым заимствованием из башкирского языка, сохранившим смысловое содержание оригинала [15, 58]. Фрикативный [ж] языка-источника, как полагает он, на марийской языковой почве субституируется свистящим [3] [14, 90].
- 3. марВприбел. *кушбаш* 'голавль' < тат. *кушбаш* 'голавль', башк. *кушбаш* 'тж' [16, 8]. Этот вариант распространен только в говорах восточного наречия.
- 4. В горномарийском наречии для номинации голавля употребляется лексема $\boldsymbol{m}\boldsymbol{y}\boldsymbol{\kappa}\boldsymbol{m}\boldsymbol{b}$ [2, 60; 29, 94].
- 5. В Словаре названий пресноводных рыб СССР Г. У. Линдберга содержатся следующие варианты марийского ихтионима 'голавль': *барда*, *грушка* (по нашему мнению, *трушка*), *коломи-пярдаш* [23, 167]. Слова *барда* и постпозитивный компонент названия *коломи-пярдаш* являются, видимо, фонетическими вариантами ихтионима *пардаш* 'язь'. Действительно, взрослый голавль похож больше на язя; на первый взгляд они трудно различимы, что и послужило причиной для такой номинации.

- 6. В словаре В. М. Васильева (Ўпымарий) содержится и другое название голавля: *турышко ньуго* [5, 214]. С одной стороны, *нюго* 'мелкая рыба, мелюзга' является общим названием для мелких рыб вообще. С другой стороны, в марийской ихтиологической терминологии существуют лексемы кунюго, пинюго, шаранюго 'гольян', иянюго 'щиповка', пиуо, п'иуо-коl, оўта-п'иуо 'красноперка' [37], используемые для обозначения отдельных видов рыб. Следует отметить, что слово нюго является лексическим наследием финно-пермской языковой общности [6, 3].
- 7. **Удыргол** [20, 134]. По высказыванию информанта С. Воронина (Мари-Турекский район), такое название дано рыбе за ее красоту: *ўдыр гай мотор* в переводе с марийского 'красива как девушка'. Такая же лексема существует и для номинации пескаря, ельца из-за их красивой внешности.

Ихтионим *ўдыргол* образован сложением лексем *ўдыр* 'девушка' и *кол* 'рыба'.

$\mathbf{\mathit{H3b}}$ – Leuciscus idus L.

Язь в марийском языке именуется словом пардаш, выступающим в фонетических вариантах [27, 45; 31, 34]: пардашЪ, пярдашЪ [11, 23], пардас [10, 93], pardaš [46, 158], пардаш Г [5, 156; 30, Т. 5, 37], пардаш [29, 116], пардаш [5, 153; 9, 64; 31, 37], pardàš JT, pärdäš JP K, pärdäkxš JT JO jàsz/Rotfeder (красноперка, плотва), Rotauge (плотва), Aland (язь) [37], parða·s Ok, pärdäkxš NW, pärdäš W Aland (язь Leuciscus idus L.) Ok, Plötze (плотва) W₂, parða·š-kol Mmu Aland [41, 492].

- О происхождении ихтионима *пардаш* имеются различные мнения. Так, отдельные ученые [35, 73; 41, 492; 46, 158] считают его чувашским заимствованием, ср. чув. *партас* 'голавль', диал. 'язь'.
- Д. Е. Казанцев и Г. С. Патрушев, ссылаясь на работы Э. Беке и М. Рясянена, причисляют его к словам финно-угорского происхождения [17, 69].
- И. Н. Шебештьен, анализируя финское слово *partti*, приводит множество его вариантов из финских диалектов, квалифицируя их как финно-угорское наследие, имеющее соответствие в марийском языке. Обращая

внимание на конечный свистящий согласный [с] в слове *пардас* малмыжского диалекта марийского языка, она констатирует, что это слово было воспринято чувашскими и татарскими диалектами из марийского языка [44, 57].

- Э. Беке сопоставляет ихтионим *пардаш* 'язь' с финским *partti-* (-*lahna*), *lahnanpartyti* 'en större braxenvarietet' (рыбы из семейства карповых) и рассматривает его как финноугорское наследие, выделяя в нем суффикс -as с вариантами -as, -äs, -äkyš [37, 107].
- А. С. Ефремов, не находя соответствий слову *пардаш* в родственных финно-угорских языках, причисляет его к чувашским заимствованиям марийского языка [9, 148].
- Д. Е. Казанцев опровергает мнение А. С. Ефремова и считает, что ихтионим *пардас* воспринят чувашами из марийского языкового источника [18, 111].
- М. Р. Федотов чувашский ихтионим *пар-дас* 'язь' связывает с тюркскими словами *бартас* 'язь', *бартач=бартас* 'тж' и приходит к выводу, что марийское слово *пардаш* является чувашизмом [35, 73].

Что касается звукосоответствия чув. [а] и тюрк. [а] в словах *пардас* и *бартас* 'язь', то, оперируя выводами Л. П. Грузова, можно отметить, что древнетюркский *а в большинстве случаев в чувашском дает а, который в марийском горном языке передается гласным [а], а в марийском луговом — [а], например: марГ наста — марЛ наста 'вещь' (ср. тат. наста, тур. nästä) [7, 98]. Следует заметить, что древнечувашскому [с] как в начале, так и в середине слова в марийском соответствует фрикативный согласный [ш].

Принимая во внимание звукосоответствия в приведенных словах, можно полагать, что марийский ихтионим *пардаш* восходит к тюркским языковым источникам.

Однако Р. Г. Ахметьянов в своем «Кратком историко-этимологическом словаре татарского языка» татарский ихтионим бәрде с вариантами бәртәс, диал. пәрде 'язь (рыба)' считает финно-угорским по происхождению [36].

М. Рясянен, рассматривая тюркские названия (тат. $b\ddot{a}rt\ddot{a}s$, мишарск. $b\ddot{a}rt\ddot{a}c$ 'голавль', чув. $pap\delta as$, partas 'голавль, язь')

и мар. pardaš 'язь', $p\ddot{a}r\delta\ddot{a}$ 'плотва', ставит между ними знак равенства [42, 71].

В работе Г. В. Лукоянова «Марийские заимствования в чувашском языке» (Чебоксары, 1974), где имеется подрубрика «Рыбы», наименования этой рыбы нет. Следовательно, вопрос о языковой принадлежности ихтионима *пардаш* 'язь' остается открытым.

В диалектах марийского языка рассматриваемое слово имеет и другие варианты: язга [30, т. 10, 195], ваклешка [9, 64; 30, т. 1, 176], d jažya· ČN (paròàš-iye) fiatal jàsz/junger Nerfling, Aland; d jažya- kol ČN jàsz/Nerfling, Aland [38, 390].

Елец – Leuciscus leuciscus L.

Для выражения ихтионима 'елец' в современном марийском языке и его диалектах употребляются лексемы: мукто [9, 63; 30, т. 4, 117], талдаш [9, 63], мукто марГ [2, 60]. В восточном наречии марийского языка распространено название нукто, где, по всей вероятности, произошло чередование м~н: мукто~нукто [7, 224].

Лексема *мужто* восходит к общефинноугорскому слову **müktз* со значением 'вид рыбы' и имеет параллели во многих финно-угорских языках, ср. коми *mik* 'елец'; хант. *möytey* 'усач', *mewti* 'язь'; манс. *meutk* 'подъязок' [25, 415; 41, 403; 43, 295].

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» коми слово *мык* 'елец' сравнивают с марийским названием *мукто*: марВ *тикто* 'пескарь', 'малек, мальки' – и возводят к общеперм. **тик*, который сопоставляется с доперм. **тикто* 'вид рыбы' [24, 181].

А. Н. Ракин в статье «Ихтионимическая лексика в пермских языках» утверждает, что праформа *müktз 'вид рыбы' [26, 55] не имеет конкретной семантики. Нет сомнения в том, что и этот ихтионим являлся в праязыке названием конкретной рыбы, но смысловые расхождения, имеющиеся в родственных языках, не позволяют реконструировать первоначальную семантику праформы [46, 295].

Лексема *мукто* употребляется для номинации ельца, голавля, пескаря, уклейки, мальков. В марийской терминологии часто наблюдаются случаи, когда разные особи ихтиологической фауны получают одно и

Финно-угорский мир. 2014. № 4

то же наименование. Причина заключается в том, что для неспециалиста данные виды рыб трудно различимы. Поэтому в народной терминологии для них имеется одно общее название — $m\ddot{\nu}km\ddot{o}$.

Елец, как и пескарь, предпочитает небольшую стаю. В тех реках, где водится елец, пескарь «дружит» с этой рыбой. Они часто держатся вместе, становясь похожими по образу жизни и поведению. Но елец более подвижный и крупны, внешним видом и серебристым блеском своей чешуи он напоминает уклейку. Подобное явление наблюдается и в других языках. Ср., например, коми кос мык, бадькормык 'уклейка', где мык 'елец'. По своему общему виду эта небольшая рыбка представляет большое сходство с молодым голавлем.

Таким образом, один и тот же представитель данного отряда или семейства рыб имеет разные названия в пределах современных диалектов. Например, для голавля известны девять народных названий. Широкая синонимия объясняется тем, что за основу номинации могут быть взяты различные признаки.

Поступила 31.03.2014

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Сокращенные названия языков и диалектов:

башк. - башкирский язык, венг. - венгерский язык, вод. - водский язык, Вбалт. - балтачевский говор восточного наречия марийского языка, Вбелеб. – белебеевский говор восточного наречия марийского языка, Вбирск. - бирский говор восточного наречия марийского языка, Вприбел. – прибельский говор восточного наречия марийского языка, герм. - германский язык, дат. - датский язык, ижор. - ижорский язык, кз. - коми-зырянский язык, латыш. – латышский язык, лив. – ливский язык, мар. - марийский язык, марВ - восточное наречие марийского языка, марГ - горное наречие марийского языка, $мар \Pi$ – луговое наречие марийского языка, манс. - мансийский язык, мишарск. - мишарский диалект татарского языка, $мор \partial M$ — мокша-мордовский язык, $мор \partial \Theta$ эрзя-мордовский язык, тат. - татарский язык, *тырк.* – тыркский язык, удм. – удмуртский

язык, фин. – финский язык, хант. – хантыйский язык, чув. – чувашский язык, швед. – шведский язык, эст. – эстонский язык.

Названия марийских диалектов в трудах Э. Беке:

JT—д. Туршо-мучаш, JP—д. Покшта, JO—д. Отюково Яранского уезда; K—горное наречие марийского языка; $C\check{C}$ — д. Чихайдарово, $\check{C}N$ — д. Нурсола Царевококшайского уезда.

Названия марийских диалектов в трудах А. Моисио, С. Сааринена:

Ok — д. Большой Кильмеж, восточное наречие марийского языка; NW — г. Яранск, северозападное наречие марийского языка; W — горное наречие марийского языка; W_2 — д. Ятуково, горное наречие марийского языка; Mmu — д. Марий Ушем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1. *Аристэ*, *П*. Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1973. С. 3–7.
- 2. Балдаев, Х. Ф. Марийско-русский словарь биологических терминов / Х. Ф. Балдаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 136 с.
- 3. *Берг, Л. С.* Рыбы // Фауна России. СПб., 1912. Т. 3, вып. 1. С. 1–336.
- 4. *Берг, Л. С.* Рыбы Финского залива // Изв. ВНИОРХ. 1940. 23. С. 3–46.
- 5. Васильев, В. М. (Ÿпымарий). Марий мутэр. Турло вэрэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага / В. М. Васильев. Моско: СССР калык-влак рудо савыктыш, 1926 (комышто: 1928). 315 с.

- 6. Галкин, И. С. О марийско-пермских лексических параллелях // Вопросы марийской ономастики / МарНИИ. Йошкар-Ола, 2001. Вып. 9. С. 3–16.
- 7. *Грузов, Л. П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении / Л. П. Грузов. Йошкар-Ола: Мар. кн. издво, 1969. 244 с.
- Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М., 1979. – Т. 5.
- Ермаков, А. А. Кушкыл, янлык, кайык... Марла-рушла мутер / А. А. Ермаков. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 80 с.
- Ерусланов, П. Первая учебная книжка для совместного обучения черемис и русских / П. Ерусланов. – 2-е изд. – Казань: Тип. Императ. ун-та, 1892. – 160 с.

- Земляницкий, Ф. Словарь черемисскорусский / Ф. Земляницкий. – ОР и РК КГУ. № 1420.
- 12. *Иванов, И. Г.* Словарь северо-западного наречия марийского языка / И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 304 с.
- 13. Иванов, Н. В. География Республики Марий Эл: учеб. пособие для общеобразоват. шк. / Н. В. Иванов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. издво, 2004. – 144 с.
- 14. Исанбаев, Н. И. Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка // Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии / МарНИИ. Йошкар-Ола, 1979. С. 41–102.
- Исанбаев, Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты / Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. Ч. 1. 176 с.
- 16. Исанбаев, Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты (Словарь татарских и башкирских заимствований) / Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. Ч. 2. 208 с.
- 17. *Казанцев, Д. Е.* Современный марийский язык: Лексикология / Д. Е.Казанцев, Г. С. Патрушев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1972. 184 с.
- 18. *Казанцев*, Д. Е. Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев) / Д. Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 160 с.
- Кесслер, К. Ф. Описание рыб Санкт-Петербургской губернии / К. Ф. Кесслер. – СПб., 1864.
- 20. *Китиков, А. Е.* Марийско-русский, русскомарийский терминологический словарь / А. Е. Китиков. – РФ МарНИИ. Оп. 2. Ед. хр. 274.
- 21. Куклин, А. Н. Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ): моногр. / А. Н. Куклин. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 1998. 204 с.
- 22. *Куклин, А. Н.* История Марий Эл в географических названиях: пособие для учителей и учащихся / А. Н. Куклин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2010. 184 с.
- 23. *Линдберг, Г. У.* Словарь названий пресноводных рыб СССР / Г. У. Линдберг, А. С. Герд. Л. : Наука, 1972. 386 с.
- 24. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. 195 с.
- Основы финно-угорского языкознания.
 Вопросы происхождения и развития финноугорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
- 26. Ракин, А. Н. Ихтионимическая лексика в пермских языках // Исследования по пермским языкам. Сыктывкар, 2009. C. 55–63.

- 27. Русско-черемисский словарь, составленный Казанской Епархии Царевококшайского уезда села Шиншей ныне села Арина священником Александром Смирновым. ОР и РК КГУ. № 1146.
- Сабанеев, Л. П. Жизнь и ловля пресноводных рыб / Л. П. Сабанеев. М. : Эксмо, 2010. – 272 с.
- 29. Саваткова, А. А. Словарь горного наречия марийского языка / А. А. Саваткова. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.
- 30. *Словарь* марийского языка : в 10 т. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- Смирнов, А. Словарь черемисского языка / А. Смирнов. – Казань, 1867. – ОР и РК КГУ. № 1360.
- 32. Сочиненія, принадлежащія къ грамматик в черемискаго языка. Въ Санктпетербург при Императорской Академія наукъ 1775 года.
- 33. Столяров, А. А. География Республики Марий Эл: метод. пособие / А. А. Столяров. Йошкар-Ола: ГСУ ДПО (ПК) с «Мар. ин-т образования», 2007. 124 с.
- 34. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. М., 1986, 1987. Т. 1, 4.
- 35. *Федотов, М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / М. Р. Федотов / подред. И. С. Галкина. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.
- 36. *Охмотьянов, Р. Г.* Татар теленен кыскача тарихи этимологик сузлеге / Р. Г. *Охмотьянов.* Казан : Тат. кит. нәшр., 2001. 272 с.
- 37. *Beke Ö.* Zur geschichte der finnisch-ugrischen s-Laute // FUF. 1934. Bd. 22. P. 90–122.
- 38. Beke, Ö. Mari nyelvjárási szótar (Tscgeremissisches Dialektwörterbuch) // Bibliotheca Ceremissica. Savariae, 1997–2001. T. 4, 1–9.
- 39. *Mäger, M.* Eesti kalanimetustes // Keel, mida me uurime. Tallinn, 1976. Lk. 91–95.
- 40. Mägiste, J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. 1–12 / J. Mägiste. – Helsinki, 1982.
- 41. *Moisio, A.* Tscheremissisches Wörterbuch / A. Moisio, S. Saarinen. Helsinki, 2008.
- 42. *Räsänen, M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der türksprachen // LSFU XVII, 1. Helsinki, 1969.
- 43. *Rédei*, K. Uralisches etymologisches Wörterbuch / K. Rédei. – Budapest, 1988. – B. 1–2.
- 44. Sebestyen, I. N. Az urali nyelvek regi halnevei // NyK. Budapest, 1935. 159. P. 1–97.
- 45. *Suomen* kielen etymologinen sanakirja. 1–6. Helsinki, 1955–1978.
- 46. Szilasi, M. Cseremisz szótár (Vocabularium ceremissicum) / M. Szilasi. Budapest, 1901.